

*Инна
Баринская*

Читайте романы Инны Бачинской в серии

Детектив сильных страстей

Две половинки райского яблока
Мужчины любят грешниц
Любимая игрушка Создателя
Небьющееся сердце

Сериал «Детективный триумвират»
Лучшие уходят первыми
Убийца манекенов
Бородавки святого Джона
Шаги по воде
Лев с ножом в сердце
Свой ключ от чужой двери
Вторая невеста
Девушка сбитого летчика
Ищи, кому выгодно
Потревоженный демон
Стеклянные куклы
Пепел сердца
Ночь сурка

Сериал «Дикие лебеди»
Магия имени
Голос ангельских труб
Танец на тлеющих углях
Поджигательница звезд
Ритуал прощения врага
Знак с той стороны

Сериал «Королевская охота»
Японский парфюмер
Два путника в ночи
Дом с химерами
Темный ангел одиночества

Сериал «Бюро случайных находок»
Ошибка бога времени
Маятник судьбы
Конец земной истории
Тринадцать ведьм
Мадам Осень
Яд персидской сирени
Девушка с синей луны

*Инна
Баринская*

Девушка
с синей луны

Москва

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбышева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 *Девушка с синей луны* : [роман] / Инна Бачинская. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Детектив сильных страстей).

ISBN 978-5-04-090918-6

К Олегу Монахову, называющему себя ясновидящим и волхвом, обратилась за помощью Диана Рудник — странная молодая женщина, из тех, про кого говорят «не от мира сего». Она попросила Монаха помочь найти убийцу своего возлюбленного, Леонида Краснова. Диана одинока: ее сестра покончила с собой, брат уехал в Бразилию, и от него нет вестей, мать, известная актриса, умерла... И вот теперь Леонида, с которым они познакомились в Интернете, обнаружили мертвым в весьма пикантной позе — он был привязан к кровати шелковым шарфом ручной работы, который расписала и подарила ему Диана. Никто не связал воедино все эти случаи, кроме Монаха. Но он сразу понял — если в окружении Дианы за последнее время произошло столько странных смертей, ей тоже угрожает опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И. Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

ISBN 978-5-04-090918-6

...И слушал я шаги — шаги, не знаю чьи,
За мной в лесной глуши неясно повторялись.
Я думал — эхо, зверь, колышется тростник;
Я верить не хотел, дрожа и замирая,
Что по моим следам, на шаг не отставая,
Идет не человек, не зверь, а мой двойник...

Яков Полонский. Двойник

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

... Он сидел на скамейке напротив дома, рассматривал освещенные окна. Иногда в окне мелькал тонкий женский силуэт, на секунду-другую — женщина суетилась, накрывала на стол, открывала дверцу холодильника, доставала оттуда что-то. Иногда мельком взглядывала на темноту за окном, и тогда он вжимался в скамейку, стараясь стать невидимым, хотя прекрасно понимал, что она его не видит. А если бы даже видела... ну и что? Двор был темен, горел лишь неяркий фонарь у подъезда. Было холодно и тихо, в листьях и в траве шуршал неуверенный дождь. Ледяная капля упала ему на лицо, и он вздрогнул. Не скажешь, что август. Еще раз взглянул на освещенное окно, поднялся и пошел к подъезду. Набрал код и вошел в узкое полутемное парадное. Дом был старый, пропитанный тяжелым духом человеческих испарений, еды и кошек. Он не стал

вызывать лифт — механизм был старый и оглушительно дребезжал. Поднявшись на шестой этаж, он остановился у правой двери и прислушался. Где-то далеко работал телевизор — слышались музыка и выстрелы. Он достал из кармана ключ, осторожно вставил в замочную скважину. Через минуту дверь подалась, и он застыл, прислушиваясь. Потом шагнул в прихожую и аккуратно закрыл за собой дверь. Из глубины квартиры в прихожую проникал слабый свет и бормотание не то радио, не то телевизора. Он пошел на звук. Завернул за угол и остановился. Ему была видна кухня — под потолком горела люстра, на невысоком холодильнике стоял маленький телевизор. Выступал известный комик с лицом имбецила и нарочито дурашливыми интонациями. Публика в зале хохотала. Женщина стояла вполоборота к нему, размешивала что-то в красной пластиковой миске, пробовала, добавляла соли — брала щепотку из пачки, — размешивала, пробовала, озабоченно морщилась. Салат, похоже. Помедлив, он шагнул из своего укрытия и вдруг замешкался — похоже, колебался. Она заметила его и отпрянула, на лице промелькнул сначала испуг, потом изумление. Она размахнулась и бросила в него ложкой. Он метнулся вперед, прижал ее к себе, преодолевая сопротивление, прошептал в ухо: «Тихо, тихо, без глупостей!» Он сдавил ей горло и почувствовал, как она отяжелела и почти повисла у него на руках.

Он не ошибся — в миске был салат: морковка, свекла, зелень; рядом бутылочка оливкового масла. Он поморщился, он любил мясо.

Ее волосы слабо и пряно пахли, он вдохнул ее запах и задержал дыхание, чувствуя, как темнеет в гла-

зах и слабеют колени. Комик на экране рассказывал какую-то байку, публика продолжала хохотать. Ему была противна толстая физиономия комика; не выпуская женщину, он шагнул к холодильнику и с силой ударил локтем в экран. На экране вспыхнула яркая звезда, и изображение исчезло. Женщина забилась в его руках, нашарила нож на столе, схватила, ломая пальцы, и рванулась. Он вскрикнул и отдернул окровавленную руку...

...Он стоял, прислонясь к стене, бессмысленно глядя на неподвижное тело на полу у его ног. Капала вода из крана, за стеной работал телевизор, кто-то смеялся, доносилась музыка. По подоконнику забарабанили тяжелые капли дождя, и он вздрогнул...

Глава 1

Пастораль

Летящая женщина тихо несла
Летящую душу и тело.
Летящая женщина кофе пила
И в то же время летела.

Б. Штейн. Летящая женщина

Едва слышная инструментальная музыка, открытое окно — легкий сквознячок шевелит занавеску. На журнальном столике недопитая чашка кофе, не чашка, а чашечка — четырехгранная, на каждой грани кошка: черная, рыжая, серая и полосато-тигровая, — тончайшего японского фарфора. Рядом — эскиз на листке ватмана, небрежные размытые си-не-серо-зеленоватые полутона, дым и намек — при изрядной доле фантазии обозначен цветок, не то пион, не то ирис, не то орхидея, а то и размытые черты лица. Молодая женщина сосредоточенно рассматривает натянутый на деревянную раму молочно-белый шелк: брови сведены, морщинки на лбу, бледный рот сжат; в пальцах — кисточка. Она переводит взгляд на эскиз, долго смотрит, словно желая запомнить, потом прикасается кисточкой к шелку...

Галерея женских образов в лилово-розовом, в серо-голубом, в жемчужно-оливковом: летящие волосы,

широкие поля шляп, взметнувшиеся шарфы, с мелким резким штришком, с нарочито подчеркнутой деталью, тонкой черточкой — синей, малиновой, зеленой, — а то еще крошечная птичка, звездочка или стрекоза. Галерея фантастических цветов, космическая галерея остроконечных солнц, вспышек сверхновых, сверкающих стремительных небесных тел. Античные руины — летящие ангелы без крыльев, слегка обозначенные арки, галереи, амфитеатр.

Время бежит незаметно. За окном клубятся легкие сумерки и тянет вечерней сыростью. Художница откладывает кисть, выпрямляет спину, берет чашку с остывшим кофе. Залпом выпивает, закрывает глаза, сидит неподвижно несколько минут, ожидая, пока исчезнут под веками разноцветные пятна на белом фоне.

Звонок мобильного телефона заставляет ее вздрогнуть. Звонит мужчина, приглашает встретиться. Я голодная как волк, говорит она, смеясь и радуясь. Как страшный голодный волк. Понял, отвечает мужчина. Я тоже. В «Сову»? В «Сову», соглашается она. Через полчаса? Да! У театра. Успеешь? Ему не хочется расставаться, ему хочется расспросить ее, как прошел день, что она сегодня нарисовала, ему кажется странным ее занятие, несерьезным и немного смешным. Ты кто, спрашивает он. Художница по шарфам? Никогда не видел женщин с такими шарфами, где их можно купить и кто их носит? Богема? И сколько стоят? Ручная работа, авторский дизайн, сумасшедшие бабки... а с другой стороны — сколько их надо в жизни?

Ушла. Он говорит: до встречи, а в ответ тишина. Он улыбается, думая о встрече. Надо же! Среди

нашего унисекса вдруг такое чудо! Несовременное, необычное, потустороннее! Диана...

...Они встретились у театра. Он пришел первым, ему нравилось наблюдать за ней издали, выискивать взглядом в толпе, а то еще стать за колонну и с улыбкой смотреть, как она подходит, замедляя шаг, оглядывается, неуверенность в глазах, неуверенность в фигуре, неуверенность в том, как руки сжимают ремешок сумочки... даже в волосах, в том, как они лежат на плечах, белые, ровные, поникшие. Как-то так получилось, что они всегда встречаются у театра. Всегда! Громко сказано, они познакомились недавно.

Он идет ей навстречу, она вспыхивает и останавливается. Она в черном, как обычно. Тонкая, в черном платье с глубоким вырезом, бледная кожа, странноватый кулон — груша в ажурном серебряном колпачке, молочный в медовых разводах непрозрачный янтарь, как раз в ложбинке, на массивной серебряной цепочке...

На лице вопрос, полуулыбка... Художница по шелку. Как должна выглядеть художница по шелку? Рисующая лилово-серо-голубые разводы и несуществующие в природе цветы? Напоминающие ирисы и флоксы. И еще космос. Именно такой, не от мира... или нет, из параллельного мира. С янтарной, полной света грушей в ложбинке на бледной коже. Странная она, эта Диана. Необычная. Не такие ему нравятся. Но с другой стороны, любопытно. Любопытно, какая она в... гм... определенном смысле. Сейчас судить трудно, они слишком мало знакомы... отношения их из жизни голубей, как любит говорить друг Боря, начитанный бармен-эрудит.

Он притягивает ее к себе, вдыхает запах волос и кожи и не чувствует ответного движения. Она словно застыла. Потом осторожно упираясь ладошкой ему в грудь, она отодвигается и смущается. Они смотрят друг на дружку. Она улыбается, на скулах красные точки. Похоже, рада. Но не умеет выразить: закричать, броситься на шею, чмокнуть в щеку или прижаться губами к губам. Откуда она взялась такая?

— Голодная? — спрашивает он, сплетая свои пальцы с ее пальцами. — Опять ничего не ела с утра?

Она кивает.

— Рисовала цветы?

Она кивает.

— Пошли! Буду тебя кормить.

— Это тебе! — Она вытаскивает из сумочки маленький полупрозрачный сверток, протягивает. Он разворачивает — там шелковый шарф! Серый с синим, крошечные синие птички на сером.

— Подарок? Это чайки? — спрашивает он.

Она пожимает плечами и говорит:

— Это птицы. — Берет шарф у него из рук, набрасывает на шею, оборачивает раз, другой. Отступает и смотрит.

— Как? — спрашивает он. — У меня никогда не было такого шарфа, и теперь я богемный и неземной.

Она смеется. Они идут в «Сову» ужинать. Ему непривычно с шарфом и кажется, что всем только и дела до его шеи, обмотанной невесомой шелковой тканью в птичках, он улыбается и трогает шарф. Ткань пахнет нежно и пряно. Выпендрейный такой шарфик.

— Нравится? — спрашивает Диана.

— Очень! — отвечает он искренне.

— Что ты будешь? — спрашивает он, когда они сидят за столиком.

Народу еще не очень много, основная программа начинается в одиннадцать. «Белая сова» — стриптиз-бар с потрясающей программой, с перчиком, сюда просто так не попадешь. У него здесь приятель-бармен, тот самый эрудит, да и потом, им только поужинать. На шоу они не остаются. Почему? Не сегодня, говорит она, нет настроения. Он понимает, что дело не в настроении, просто это не ее. Стриптиз, кабацкие шуточки, ржущая публика под кайфом... не ее. Несовременная и странная. Такой у него еще не было.

— Мясо! Я буду мясо.

— И вино?

— И вино. Красное.

Он кладет ладонь на ее руку и говорит:

— Ты смешная! И ты не похожа на Диану.

— Я не похожа на Диану? Почему? — удивляется она.

— Диана большая и толстая, я видел на картине, а ты тонкая и хрупкая. Ты Полина. Или Анна. Или Шарлотта.

Она смеется:

— Не выдумывай! Я Диана. Я люблю луну.

— У тебя зеленые глаза. Можно я сниму шарф? А то заляпаю, я страшная неряха. Или страшный?

— Наверное, страшная. Не знаю. Можно. Глаза у меня серые. Ты дальтоник.

Он снимает шарф, кладет на спинку соседнего стула.

— Дальтоник и ничего в жизни не понимаю. Конечно. У меня никогда не было красного шарфа с маленькими черными птицами.

Она смеется.

— Шарф серый, а птицы синие! Ты правда видишь его красным? — Она вглядывается в него пристально и недоверчиво. — Получается, мы живем в разных мирах?

— Я сразу это понял. У нас разные миры. Твой прозрачный, а мой деревянный с медными заклепками.

Она снова смеется. Он забавный.

Им приносят мясо в больших тяжелых тарелках. И красное вино. Им хорошо вдвоем, они словно встретились после долгой разлуки. Они смеются, болтают ни о чем, едят мясо и запивают его вином. Их беседа напоминает бессвязный разговор лунатиков, он странен для постороннего уха — кажется, каждое слово приобретает новый смысл, но они понимают друг дружку. Ему было трудно сначала, но потом он наловчился.

Они долго гуляют по пустеющему городу. Потом он провожает ее домой. Они стоят во дворе и смотрят на темные окна ее квартиры.

— Люблю кофе на ночь, — говорит он, целуя ее пальцы.

— Поздно. Я устала. Не обижайся, ладно?

— Чай я тоже люблю, — настаивает он.

— Я не готова, подожди, ладно? Я приду, честное слово. Подожди немного.

— Я хочу увидеть шарфы, те, что ты нарисовала сегодня, — говорит он. — Не надо чая, я пошутил. Можно просто воду. Умираю от желания увидеть шарфы и еще от жажды.

Она смеется, кладет пальцы ему на губы.

— Выйдешь на балкон, — говорит он ей в пальцы. — И спустишь веревку, поняла? У тебя есть ве-

ревка? Люблю влезать по веревке к прекрасной даме. Один раз сорвался и упал. Честное слово!

Она смеется и уходит. У подъезда оборачивается и взмахивает рукой. Он делает шаг к ней, но дверь уже закрылась с чмокающим металлическим звуком. Он остается один. Двор залит оловянным светом. Он задирает голову и видит очень яркую белую луну, она как что-то любопытное белое лицо рассматривает Землю. Луна смотрит на него, и он говорит: да знаю, знаю, но так даже интереснее, куда спешить, все впереди, ты ведь понимаешь, что все всегда кончается одним и тем же. Понимаешь? Ему кажется, луна подмигивает и соглашается.

Он слышит, как сверху открывается балконная дверь. Диана наклоняется над перилами, ее бледное лицо как луна...

...Не торопясь, он идет по ночному городу. Возвращается домой. Не идет, а бредет. Ночь прохладна. Светит луна, тихо, его шаги подхватывает эхо, угаскивает куда-то вдаль. Подхватывает... чем? Цепкими лапками? На лету цепкими лапками и улетает... Взмывает и улетает. Он поддает ногой бумажный стаканчик, снимает с шеи шелковый шарф, сует в карман. Она живет в престижном районе, в центре, а похоже на зеленый пригород, и старинный парк рядом, народ здесь денежный. И пусто: ни души, только патрульная машина проехала. Он напрягся, подумал, сейчас проверят документы. Но они не остановились — спешили на вызов, не иначе. Ему интересно, как она живет, ну, там, квартира, мебель, все должно быть солидное, старинное, лепнина на потолке, дорогие люстры. Наверное, много картин... росписей по шелку. Необязательно по шел-

ку, на холсте тоже. Кто ее родители, где, кто в друзьях... Одинока... почему? Все интересно. Не только расписывает шарфы, говорит, еще рисует картины на шелке, батик называются, тоже не всякий купит, он видел цены на сайте... даже, если по одному... одной в неделю, можно жить. Он вспоминает ее украшение — кусок необработанного молочного янтаря в серебре, сразу видно, немалых денег стоит, не ширпотреб. Сует руку в карман, нащупывает тонкую ткань, усмехается. Вспоминает о луне, задирает голову и повторяет: вот так-то, моя Диана...

...Посмотрел значение, Диана — олицетворение Луны. Там еще много чего, но главное Луна. Любому человеку понравится, если знаешь значение его имени, выдать между прочим, с понтами: знаем, читали, в курсе. Олицетворение Луны. Бледная ночная женщина с кисточкой и красками. А на плече черная птица. Тонкая и осторожная, надо выбирать слова, чтобы не спугнуть, он это может, не дурак, и язык подвешен. Хотя сначала были сложности. Но потом попал в тон. И жизненный опыт богатый, попробовал всего, везде свой. Интересно, почему она одна, и вообще. Он улыбается, чувствуя, как нарастает в нем чувство приближающейся удачи, как бьют внутри добрыми предвестниками барабанчики судьбы...

Он вошел в свой затрапезный подъезд, достал ключи. Включил свет в прихожей, поморщился от неприятного запаха старой одежды и затхлости — ни освежители воздуха, ни открытые окна не помогают. Подумал, что пора что-то менять в жизни... ну ничего, даст бог! Свалить из этой вонючей съемной дыры... хотя бы к ней, к Диане, а что?